

Алексей Машевский
Древо желаний

I

В МУЗЕЕ

Научиться не жаловаться, не ждать
Помощи ни от кого.
Потому что своя у каждого мать,
Свой отец – и спасать его

В одиночку придется, искать врачей,
Утешать с улыбкой кривой.
Ну а смертный ужас вообще ничей –
Только твой, мой друг, только твой.

Приглядишь: все мраморные уста
Римских статуй твердят о том.
Наша жизнь одинока, судьба проста:
Сына пестуешь, строишь дом,

А потом уходишь... И смотрят вслед
Тебе бельма их мертвых глаз.
Я и сам не знаю, зачем билет
Покупал сюда столько раз.

* * *

Это просто слова, как они звучат,
Это липы, застывшие перед грозой,
Это мальчиков наших, худых волчат,

Юность, стиснутая кирзой.

Все иллюзии, свой отработав срок,
Умирают. Измученной жизни взвесь...
И тогда только веры живой глоток,
Только веры – тебя еще держит здесь.

Потому что уж лучше холодным быть
И горячим стать и дотла сгореть,
Чем концы заранее обрубить,
Чем в самом себе перепреть.

Я не знаю... и вряд ли узнать смогу,
Что вело, что мучило так, собой
Бременя, горело звездой в снегу...
Или это зовут судьбой?

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

И не река времен, а струйка
Сухого, рыжего песка.
В частицы твердые спрессуй-ка
Минуты, дни, года, века

И запаяй в стеклянной тверди,
Оставив капилляра нить,
Раз жизнь, перетекая к смерти,
Не может с ней повременить.

Зачем спешить! Лежи на пляже,
Сжимая легкий прах в горсти.
Оно и не заметит даже,
Оно безмерно. «Отпусти! –

Шепчу, – что от песчинки проку?
Им у тебя потерян счет».
Зачем я этому потоку,
Который сам собой течет?

* * *

Зачем уже сейчас, сейчас уже
Тот страх дано предчувствовать душе,
Как будто жизнь была одной погоней,
А не включала тысячи вещей:
Улыбок, снов, на грядке – овощей,
На клумбе – флоксов, бархатцев, бегоний?

Тебя любил я и, томясь тобой,
С тобою был, но поцелуй любой
Засасывало время, как зыбучий

Песок. И вот мне нечем доказать,
 Что все сбылось... Послушай, дай сказать,
 На всякий случай:

Я все же был, и ты была, и там –
 До нас, в тени, в теряющейся дымке –
 За кем идем мы следом по пятам,
 Глухонемые предки-невидимки,
 И звезды, пережегшие свой свет,
 И существа, которым нет названья,
 И наши чувства, для которых нет
 Опознаванья,

Все были!..

Ты запомни, завяжи
 На память узелок, чтоб перед бездной
 Всепоглощающей и миротворной лжи
 Не трепетать с тоскою бесполезной.

* * *

Не то мучительно, что место уступить
 Придется скоро тем, кому родиться
 Приспичило; не спать, не есть, не пить,
 Не слышать звуки и не видеть лица...

В конце концов, все это мы с лихвой,
 Как очередь до нас дошла, имели.
 Неясно только, в чем теперь сухой
 Остаток? – Скорбь в душе и боли в теле.

Но пусть! Я уже знаю: не пройдут...
 Не думаю, что, от телесных пут
 Избавившись, в каком-то мире новом
 Окажемся. И рай наш или ад –
 Лишь то, что про себя, взглянув назад,
 Мы узнаем в смущении суровом.

Так вот: мучительно, что дальше заглянуть
 Нам не удастся. Хоть, конечно, путь
 И предугадываем, но важны детали.
 Ведь все-таки куда-то же ведет
 Та очередь, в которой в свой черед
 Давным-давно мы место занимали.

* * *

Кузнечики в ночи стрекочут за окном.
 Проснулся – и заснуть никак не удастся.
 О, если бы я мог молиться, об одном

Молился бы теперь: пускай нам всем живется!

Быть может, и хорош тот странный мир без тел,
Куда потом уйдем из суеты домашней,
Но, слабый человек, я б взять туда хотел
Сегодняшний закат и мелкий дождь вчерашний.

Все, что мы любим здесь, останется в ночи,
Как стрекот позывной цикад, как скрипы двери.
А бестелесных тех – попробуй различи!
Воспоминая мне оставь по крайней мере:

Как аисты кружат над скошенной травой,
Как пахнет сеном, как мы вдаль бредем с тобою,
И ветер нам в лицо, и небосвод живой
Запружен облаков кочующей толпою.

* * *

Среди осколков Парфенона,
В том зале, где, как водоем,
Свет колыхался полусонно,
Тогда бродили мы вдвоем.

На мраморах вздымались кони,
С кентаврами лапифы в бой
Вступали, но ладонь к ладони
Шли между ними мы с тобой.

И складки пеплосов волнами,
Струясь, стекали в пустоту.
О том, что дальше будет с нами,
Не думалось в минуту ту,

Как будто мы уже – как эти,
Чья нескончаема череда,
Вечноживые, в камне, в свете
Оставшиеся навсегда.

* * *

Вторгшись в безбрежие вод, наши шли корабли к Илиону,
Парусом ветер играл, позволяя гребцам отдохнуть,
След белопенный бежал по морскому спокойному лону,
Звездам и нашим мечтам доверяя прокладывать путь.

Чайки, и рыб косяки, и мерцанье глубин за кормою
Сопровождали поход. О возврате что было желать!
Свой обгаренный в крови меч в волне виноцветной омою.
Вот, посмотри, как сплит, расстилаясь, свободная гладь.

Слава земная – царям, победителю Трои – Елена,
 Тем же, кто с жизнью своей все, что было, теряет навек,
 Тем – только этот простор, только эта соленая пена,
 Только мелькнувший вдали вожделенный и гибельный брег.

* * *

То, что погибли мы, сказано так давно,
 Что искрометное в новых мехах вино

Скинуть успело, наверное, сотню раз.
 Нет, ты не думай, что мир этот кто-то спас.

Да, мы погибнем, но, к счастью, масштаб иной
 Времени у пророка, когда говорит с Луной,

С дальними звездами, с Богом, прозревший, он.
 Жизнь поколения – лишь мимолетный сон.

Вымрет, как прочие, наш человеческий вид,
 Солнце когда-нибудь землю испепелит,

Да и Галактика в черной замрет дыре.
 Но выхожу я из дома – а во дворе

Осени алой последний закатный блик.
 Благо тому, кто не вечен и не велик,

Как однодневка-бабочка, чей полет
 В ласковом свете до ночи не доживет.

* * *

Реальность значимых грядущих
 Событий, из которых смерть
 Реальнее сейчас бегущих
 Минут. Как воткнутая жердь

В еще не вспаханное поле.
 Уже сейчас! – о том и речь.
 А как же время? – Не оно ли
 Пытается куда-то течь?

Но если попросту не надо
 Жалеть и думать ни о чем?
 У речки к вечеру прохлады,
 Пылает солнце кумачом,

Над берегом стрекозка вьется,

Звезд проступающих не счесть...
 И, может, где-то остается
 (Где – я не знаю) все как есть?

* * *

С какой закономерностью железной
 Приходит наконец последний день.
 Я знал: сопротивляться бесполезно
 И лишь следил, как, удлинняясь, тень

Ложится на намерения, планы
 Мои, на радость отпускных забот.
 Не странно ли, что поздно или рано,
 Но обязательно *последний* день придет?

Там, в будущем (его же нет – как дико!),
 Уже сбылись – и сторожат наш пыл
 Разлука, синий мох и повилика
 На низкорослых холмиках могил.

Там сочтены истекшие мгновенья,
 Жизнь дальних звезд, предел последних сил.
 Но мне-то знать все эти откровенья
 Дано зачем? – Ответ! – Я не просил.

* * *

Умирая, как будто идешь на закат,
 Свет в глаза ослепительно ал. –
 Это мы возвращались с прогулки назад,
 И себя я на мысли поймал.

Лиловые сумерки шли по пятам,
 Тополя отступали во тьму.
 Это здесь фантазировать можно – не там,
 Это здесь я тебя обниму.

У калитки чуть-чуть постояли. Вдали
 Над лугами, где вьется река,
 Как пожаром охваченные корабли,
 Проплывали на юг облака.

Это здесь, в темноте возвращаясь домой,
 По-особому дышишь легко.
 Светят окна, невнятно бормочет немой
 Сад, стоит на плите молоко.

II

* * *

Я не то что не верю в Бога,
Я не верю, что нас спасать
Стоит. Ты подожди немного,
Лет примерно так двадцать пять –

И увидишь, что это тело,
Этот выпотрошенный ум
Ни в какое непустишь дело,
Разве только в паноптикум.

– Ну а душу, а как же душу?!
– О, не спрашивай, я прошу:
Эту сплетницу, эту клушу,
Прикипевшую к барышу?

Как ее неопрятны шашни,
Тяжелее вериг мечты.
И вот этот-то хлам вчерашний
Обессмертить желаешь ты?

Если даже цветы роняют
Лепестки в непроглядный мрак,
Если сущность не сохраняют
Чаяк, бабочек и собак,

Почему же ты хочешь, чтобы
Наш, восставший по зову дух
Снова миру отдали гробы? –

В третий раз голосит петух.

БОГ

Апофатически: *не там, не то, не ты...*

А так, вообще, что о Тебе мы знаем?

Создавший этот мир из пустоты,

Непостижим в делах, неосязаем. –

Красивые слова, но охватить

Их разумом – бесплодные усилия.

Ты просто Тот, который *должен быть*,

Чтоб нас несли распахнутые крылья.

Мой вечный страх остаться одному,

Мое необъяснимое желанье

Вместить все то, что мне же ни к чему, –

Превыше сил, мудреней пониманья.

Зачем? Чтоб знать? – Но разве можем мы

Знать? – Чтоб любить? – Кого? – Чтоб нас любили?

Чтоб приходили к нам, как свет из тьмы,

В неизреченной благости и силе?

Какой-то странный детский комплекс тут:

Все от Него всегда чего-то ждут.

Напрасно, может быть затем что свет

И так, без наших просьб на Землю льется,

А жребий твой – согласен или нет –

В конце концов тебе и достается.

Не золотая рыбка Он, не джинн;

Быть может, шорох ветра, шум вершин

Деревьев в час осеннего заката,

Быть может, сон, быть может, тот покой,

Когда душа согласиём объята

И видит мир – наш мир – таким, какой

Он сотворен, и эта радость свята!

* * *

День опять закончился. Мой Боже,

Почему всегда, всегда конец?!

Расставанья холодок по коже,

Грусти мятлый леденец.

Чем, скажи на милость, этот хуже

День того, что завтра будет наш? –

Снова дождь, и на дороге лужи,
И себя ему отдашь.

Ничего не ценишь, неужели,
Будто все, что было, – было зря?
И идешь, идешь к какой-то цели,
Разрушая и творя.

Одержимость, рвение, горенье,
Мириады звезд в одной горсти –
Что же Ты ни одного творенья
До ума не можешь довести,

Сделать так, чтоб навсегда, навеки?!
И шепчу, в глухую глядя высь,
Дальних молний наблюдая треки:
«Твой прекрасен мир. Остановись!»

МОЛИТВА

Говорят: «Он с тобой, попроси».
Но нужны для молитвы слова.
Не талдычить же: «Боже еси!»
И киношного ждать волшебства.

Впрочем, можно, наверно, и так,
Если вправду по вере дают.
Но в моей голове кавардак:
Всё-то крутятся, всё пристают

Посторонние мысли, куски
Разговоров каких-то глухих,
Подвывания глупой тоски,
В темноте потерявшийся стих.

Повторяю: «Господь, помоги!»
И не знаю, что дальше сказать.
Шорох ветра, чужие шаги
За стеной, голоса – вот опять.

Мне, наверное, надо молчать,
Просто глядя в пустое окно,
Капель тайную жизнь изучать
На стекле, когда дождь и темно,

Ни о чем, ни о чем не просить,
Слушать сердцем незримую тишь,
И случайно себя отпустить
В ночь, где сам Ты со мной говоришь.

СТАТУИ СТРАСБУРГСКОГО СОБОРА

Синагога прекрасна, хотя на глазах пелена
И копье ее сломлено, книга скользит из руки,
Неудобная Богу, изверившаяся жена, –
А забвения воды безжизненны и глубоки.

А когда-то, когда-то... Изящен и нежен твой стан,
И в объятья свои заключает жених молодой.
Но потом попадаешь, как все, в безвременья капкан,
Чтобы выйти согбенною, полубезумной, седой.

Вот и Церковь, высоко поднявшая чашу и крест,
В светозарном могуществе, с ужасом смотрит на ту,
Чья вчерашняя слава привольно гремела окрест,
А теперь обратилась в раскаяние и тщету.

Потому что ей видится черная точка в конце,
Потому что, ступая сюда, приготовься отдать...
И она холодеет, немеет в своем королевском венце,
За собою ведя славословящих Божию рать.

* * *

Артуру Кротову

Смерть ходит по пятам, она считай что рядом,
Как фонаря пятно на снежном полотне,
Как контуры домов, нависших над детсадом,
Как то, чему уже не радоваться мне.

Закутаться в пальто и сумеркам навстречу
Идти, сырой зимы лоя дыханье ртом.
Окликнешь ли меня, прости – я не отвечу,
Мне нечего тебе оставить на потом

И нечего сказать, ведь ничего не значат
Слова. Лишь толкотня снежинок возле век...
А то, что он сейчас, лицом уткнувшись, плачет,
Так это потому, что умер человек.

* * *

То, что знают мертвые, – не для нас,
Не для юношей, стариков...
Погружаясь, слушает водолаз
Лепет маленьких пузырьков.

Там, на дне – другие совсем дела:
Приглушенные свет и мгла,
Чтоб душа в забытьи, не дыша, брела
В мир, где нет ни добра, ни зла.

Подожди, Орфей, не спеши, побудь
Среди птиц полевых, цикад!
Для тебя Эвридика готовит путь,
Нескончаемый путь назад.

Только ты, ступая теперь след в след,
Проходя через толщу вод,
Не теряй из вида ее – о нет! –
И все время смотри вперед.

* * *

Мы в простреливаемой зоне...
С ощущением этим жить?
Спать, чаевничать, на газоне
Мять траву, ревновать, дружить.

Как бы даже не замечая,
Контролируя ужас свой,
Чтоб, мужая или легчая,
Удивляться: еще живой!

Нет страховочных скреп в природном
Мире ласточек, тополей.
Чтобы быть до конца свободным,
О потерянном не жалеи.

Просто утром, вдыхая свежий
Воздух, чувствуя трепет век,
Не тревожься вопросом, где же
Станешь вечером на ночлег.

III

* * *

Топинамбура куст на краю
Поля – вырос подкидышем там.
Перед ним подивлюсь-постою
Золотистым как звезды цветам.

Что за дикая сила земли,
Выживания зуд трудовой:
Стебли полог узорный сплели
И колышут его над травой.

Красота! А вообще-то так свет
Отбирают у тихих врагов,
И войне той скончания нет,
И удел побежденных таков:

Перегнив, жирным гумусом стать
Для победно ползущих корней
И, затихнув в земле, напитать
Тех, кто пышно разросся на ней.

* * *

Ну вот, пошли дожди. Все снова затянуло,
Притихли воробьи средь мокнущих ветвей,
Забывший старый плед висит на спинке стула,
Который сам забыт и пледа не новей.

Колышется листва, чувствительно уколы
Холодных острых струй перенося с небес,
И с криками бежит соседский мальчик голый,
Застигнутый врасплох, дождю наперерез.

Я слушаю, пока читаю Сологуба,
Как звонко в ведра бьет, стекая с крыш, вода,
Как жадно пьет земля, слежавшаяся грубо,
Как ветер шелестит, качая провода.

И, отвлекая от стихов, все эти звуки,
Прохлада из окна и свежий дух дождя
Берут мой грешный ум, усталый, на поруки,
Куда-то далеко от мира уводя.

* * *

Ветер что-то мягко на балконе
Теребит, но слышится слабей.
Ум в дремоте, словно в пышной кроне
Маленький, вихрастый воробей.

Листья, ветки, колыханья, блики –
И уже ему не упорхнуть.
Бабочка полураскрытой книги
Так и села спящему на грудь.

Сон дневной тенист и бестревожен,
Краток – то и дело рвется нить.
Мир, куда уходишь, слишком сложен,
Чтобы мог его восстановить.

Но он где-то тут, поскольку звуки
Без труда проходят через грань.
Вот, опять... Напрасные потуги –
Не могу проснуться. Перестань!

* * *

Это лучшие дни в году:
Август движется под уклон.
Выйду вечером – не найду,
Где кончается небосклон.

Все в закатном живом огне,
Разметавшемся широко.
И так дышится нынче мне,
Так работается легко!

Я, конечно, не знаю, как –

Как, когда, почему и где
Провалюсь в непроглядный мрак,
К ледяной полечу звезде,

И начавшийся этот путь
Не закончится никогда.
Подожди же, со мной побудь!
Небо... воздух... земля... вода...

* * *

Какая чернота! На небе тучи, тучи...
Отравлено – увы – тоской начало дня.
А ты хотел бы вдаль, мой всадник невезучий,
Направить легкий бег крылатого коня.

Ну что же, вспоминай, как высоко летали,
Как облака неслись размашисто вперед.
Мечтою живы мы, но, видишь ли, едва ли
Хотя б одна мечта тебя переживет.

Что делает душа, оставшись без крылатых,
Невидимых, слепых своих поводырей?
Как ей не очерстветь, о горестных утратах
Скорбеть, благодаря? Как удержаться ей?

* * *

На долгих восемь месяцев заснет
Наш дом, когда мы в город съедем с дачи.
Наступит темнота, и тяжек будет гнет
Снегов ему, а уж ветров тем паче.

Все смерзнется: белье, страницы книг,
Украшит абажуры шерсткой иней,
Проникнув сквозь прорехи шторы, блик
На полках превратится в сетку линий.

Дом будет ждать, пока на смену нам
Здесь станут всем распоряжаться мыши.
И их возня, мешая смутным снам,
Сольется с треском шифера на крыше.

Дом будет спать, один, со всех сторон
Охваченный великой белизною,
Чтоб думать мне порою: как там он? –
С невольною тревогою, виною.

* * *

Хоть утлого тепла немного напоследок!
 Ты знаешь эти дни, пустынные, когда
 Едва из облаков проглянет солнца слепок,
 А ветер ветви гнет, качает провода?

Хоть воздуха еще немного перед дальним
 Путем назад во мглу неодолимых зим!
 А здесь укроет все белесым, погребальным
 Покровом снеговым, и тишина над ним.

И этот переход печальный неизбежен.
 Хоть раз еще войти в наш опустевший лес!
 Как напоследок свет сквозь сетку веток нежен,
 Как синева зовет распахнутых небес!

* * *

Я скоро снова вернусь назад
 Из дачной дремы и тишины
 В такой обычный, публичный ад,
 Которым все мы окружены.

Какая суতোлка пустых
 Слов, обещаний, поступков, дел
 И трепыханий – бултых-бултых –
 Надежд, которым ты не посмел

Сказать всю правду, какая грусть
 От липкой жалости и вранья,
 От умирания – ну и пусть!
 В конце концов, чем их лучше я?

Не лучше – хуже. Они своих
 Хотя б не видят глухих грехов,
 Жить не пытаются за двоих,
 Не пишут выморочных стихов.

* * *

Почему-то вспомнилось: Цесис, лето,
 Мне четырнадцать или пятнадцать лет.
 Был красив, но не красотой атлета –
 Длинношейей мальчик, оставить след

Свой мечтавший. – В чем только? – вот загвоздка.
 Мы гуляли, и от прогулок тех
 Желудей оставалась в карманах горстка,
 А однажды среди них лесной орех.

Времена невесомые были. Рядом
С парком замка стоял каркас.
Я тогда, с другими встречаясь взглядом,
Из упрямства нарочно не прятал глаз.

И казалось, что будет всегда под боком
Наша Рига с янтарным ее ключом,
Что в неправдоподобном, еще далеком
Двадцать первом веке – все нипочем.

* * *

Это было четырнадцать лет назад,
Когда чудо, казалось мне, наяву
Происходит: мы выходили в сад,
Мы садились на ласковую траву,

И стрекозы что-то такое нам
Сообщали, и лютиков лепестки.
Как я верил тогда этим ярким снам,
Ставшим лишь предвестниками тоски.

Потому что чудо – не здесь, не в том,
Что твоим желаньям зеленый свет
Дан, а в летнем воздухе золотом,
В хоре дальних звезд, девяти планет,

В неизбывном чувстве, что жизнь – одна
И она – не сцепленье случайных сил,
Потому и выносит судьбы волна
И любви волна, куда ты просил.

Ты просил, да только понять не мог,
А потом увидел: все есть, все так.
Чудо – это неведомый нам итог,
Свет, внезапный свет, озаривший мрак.

IV

* * *

Ночной Альгамбры тени, тени,
Сур нескончаемая вязь,
Дыханье южное растений,
И небо звездное слезясь.

С невыразимо-грустным раем,
С неисполнимою мечтой
Мы здесь, встречаясь, умираем
Под сводом залы золотой.

И вот оттуда – сталактиты,
Как бы окаменевший свет
Светил, что временем убиты,
Миров, которых больше нет.

Плыви осколком горькой неги,
Баюкай сны своих владык,
Запечатлевшая навеки
Один невоплотимый миг.

В ПРАДО

(1)
Он потерял Португалию, разворовать казну
Дал фаворитам, из войн не выиграл ни одной.
Но я-то вижу лишь матовую белизну

Воротничка, слезящиеся обидою и виной

Эти глаза припухлые, габсбургский алый рот,
Серый камзол – мерцающий серебристый цвет...
О как величествен и прекрасен, почти урод,
Победоносно-трагичен король, оставшийся без побед!

Впрочем, одну – но зато какую! – он одержал,
Это ты понимаешь, идя от стены к стене
В первом, и во втором, и в четвертом зале. Сто тысяч жал,
Сто тысяч выстрелов прямо в сердце! Не выжить мне...

Ибо полсотни картин Веласкеса стоят всех
Индий американских и золотых флотов,
Ибо – глядите! – вот же: одна из великих вех
Духа. И он (это так удивительно!) был готов.

Всех перехоронил сыновей, кроме одного –
Тихого слабоумного мальчика, унаследовавшего трон.
Я, проходя по залам, встречаю опять его:
Скорбно и настороженно смотрит... со всех сторон.

(2)

Лучший портрет Дон Кихота – вот:
С пикою, на коне
Скачущий прямо на небосвод
Рыцарь в стальной броне.

На горизонте пожар зари –
В золоте алый след,
И никого, никого – смотри! –
Кроме него, здесь нет.

Кроме него, а еще теней.
С ними ли битва та?
Зарево гаснет, над ним плотней
Сизая чернота.

Строясь в колонны, обходит мрак:
Долы сдаются, лес,
Речка... но этот-то, наш дурак,
Скачет наперерез.

Впрочем, Сервантес еще тогда
Не написал роман.
Это судьба и броня-слюда
Кесаря христиан.

Карл, ты вернешься к себе домой,
Ты отречешься от...
Божий помазанник, лев зимой,
Спятивший Дон Кихот.

**«СВЯТОЙ СЕБАСТЬЯН»
АНТОНЕЛЛО ДА МЕССИНЫ**

Так юно-бел, так недоступен
Стремлению язвящих стрел,
В самом страданье целокупен.
Кто его в жертву присмотрел?

Стоит. Ни капли крови алой
Из ран, ни складки возле рта,
Скорей мечтательно-усталый,
И свята эта красота.

Не страх, не гнев – недоуменье
В глазах: какое дело мне!
Хоть приноси сюда поленья,
Томи на медленном огне,

Хоть по приказу полководца
Веди на приступ копий лес,
Но это тело не дается,
Ведь им владеет синь небес.

МУЗЕЙ НАБОКОВА В РОЖДЕСТВЕНО

Струпья белой краски на колоннах
И по большей части новодел.
Разве разберешься в судьбах сонных?
Так ли думал, этого ль хотел?

Оредеж слепит лукавым плесом,
Бабочка витает над кустом.
Что случилось – задаюсь вопросом,
Почему на месте, на пустом

Мы живем в своей стране пропащей,
Где пространство верх берет опять
Над стрелой времени летящей,
Вдаль летящей, но при этом вспять?

Разметались хлюпкие болота,
Гривою топорщатся леса.
Разве после кто-то вспомнит что-то
И расслышит чьи-то голоса?

Мы уже сейчас почти природа,
Что и знать не знает о былом,
И на месте целого народа –
Бурелом.

* * *

Когда нет Бога, то к чему все эти
Усилия, растроченные зря,
Бетонных городов глухие клетки,
В чьих окнах занимается заря,

Зачем всей жизни кровные обиды,
Стремленья, что надеждами полны,
Воздвигнутые храмы, пирамиды,
Истории забывчивые сны,

А страсти те, кипящие в угаре
Святых насилий, торжищ роковых, –
То проповедь любви ко всякой твари,
То скотобойни воин мировых,

А тьмы и тьмы живущих осторожно,
Бездумно, тупо, близя свой конец?!
Когда нет Бога, нас не то что можно,
Нас нужно стричь и резать, как овец.

* * *

Олейниковский таракан монументален.
А потому, что был товарищ Сталин,
Жить приходилось споро и всерьез:
Большие чистки, замыслы и стройки.
Наш таракан почти до землеройки
На коллективном пафосе дорос.

Империю цепной в овечьей шкуре
Свои уставы диктовать натуре
Хотелось, перекраивать, творить
Тот новый мир, что оказался старым.
А таракан-герой пропал задаром:
В штрафбат был послан или лес валить.

Он таракан – и есть ему замена...
Вот только жизнь в истоке сокровенна
Своем, ее никак не удержать,
Не подвести типаж, не втиснуть в схему.
Есть высший смысл: не разрешать проблему,
А просто сеять, строиться, рожать.

Без пафоса... Но значит и без смутной
Мечты, оставшись грезой минутной
Идущего вперед через века
Сурового, беспамятного мира.

Мобильник, комп, отдельная квартира...
 Что ж, таракану нравится пока.

* * *

Одни – обыкновенные нарциссы,
 Другие же – махровые. Но все
 Украдкой смотрят в зеркало. Актрисы,
 Актеры... Проводить вас за кулисы? –
 Вот где любовь к себе во всей красе!

Но если мир – театр, как в нем без грима,
 Интриг, аплодисментов и цветов?
 Мой ангел, ты почти невыносима,
 И я, конечно, тоже. Счастье мимо
 Плышет. Никто к нему ведь не готов.

Хотя, быть может, занятым собою,
 Нам стоит только руку протянуть.
 Туда-туда, за дымкой голубою...
 Недалеко, благодаря прибою,
 Кораблик, но зато не близок путь.

А помнишь, у Ватто – как на Цитеру
 Отплыть спешили в праздничном чаду,
 Как ручку подавала кавалеру
 Прелестница, его слова на веру
 Приняв, шепча (наверно, ерунду)?

Но вот и в этом нашем мельтешенье,
 Нарциссианстве, сдобренном тоской,
 Есть легкость нежная, есть как бы приглашенье,
 Какой-то важной тайны разрешенье.
 Я только не скажу тебе, какой...

ДРЕВО ЖЕЛАНИЙ

Вдруг вспомнил почему-то: лето
 В Восточной Грузии, давно...
 Цветными лентами одето,
 Стояло дерево одно,

И ветром лоскутки трепало,
 Их было много – сотни три.
 И я не осознал сначала,
 Что это значит. «Посмотри, –

Сказали мне, – возьми с одежды
 Лоскут, чтоб сделать узелок,
 И может быть, твои надежды

Все-все исполнятся в свой срок.

Когда томимы мы бедою,
Любовной страстью, хворью злой,
Сюда, дорогою крутою,
Идем и к пахнущим смолой

Ветвям привязываем эти
Флажки. Поверие не лжет! –
Ведь что-то есть на этом свете,
Что человека бережет».

Я подошел: пестрела хвоя
Цветными пятнами тряпиц –
Мольба из каждого завоя,
Как хоровое пенье птиц,

Мечты, желанья без ответа...
Вас слышит ветер, видит ночь.
Но я не знаю, есть ли где-то
Тот, кто способен всем помочь.

V

* * *

Василию Русакову

До той поры как звук свирели
Впервые ветер подхватил,
О чем лесные птицы пели
И хоры стройные светил,

О чем в ночи шептали кроны
Дерев, бубнили волны вод,
К кому взывали с затаенной
Тоской, чей прочили приход?

Вот это и была свобода –
Без слушателя и судьи,
Когда сама с собой Природа
Вела беседы в забытьи.

И смысл, еще не знавший слова,
Как лист, по воздуху скользил,
И не затронута основа
Была животворящих сил.

Гордись, поэт, теперь ты волен
Опять, поскольку никому
Не нужен гул парнасских штолен,
Стихов, спускающихся в тьму

Заветных тайн. Не пробудится

Ни в ком ни дух, ни интерес,
 Ни слух понятливый. Ты птица,
 Волна, широкошумный лес!

* * *

На похоронах
 Музы
 Птицы пели –
 Черный, как монах,
 Дрозд и коростели,

Жаворонок, ввысь
 Взмыв, тянул руладу,
 И отозвались
 Соловьи из саду.

Муза умерла
 Позднею весною.
 Уж сирень цвела,
 Но еще до зноя

Было далеко.
 Над ее могилой
 Лепестки легко
 Вишни белой, милой

Покружились, в мох
 Опадая. Кстати,
 Был совсем не плох
 Хор пернатой рати.

Впрочем, голоса
 Птичьи различали
 Только небеса,
 Луговые дали.

* * *

Листва у дома лип густая
 И посетителей – толпа.
 Так и ведет, не зарастая,
 К нему народная тропа.

Как дышится тут, в самом деле!
 Сверкая, манит гладь реки,
 В аллее вековые ели,
 В саду беседки, цветники.

Вот где питомцу наслаждений

В тиши оттачивать свой слог:
 Деревня, где скучал наш гений,
 Была прелестный уголок.

Ну что еще поэту нужно?
 И если бы не болтовня
 Нас просвещавшего натужно
 Экскурсовода, лучше дня

И не придумать. Но словами
 Кормили нас до тошноты.
 «Вот так, глядишь, – потом и с вами», –
 Ехидно мне шепнула ты.

Окстись! Польстится разве кто-то
 На муз теперешних приют!
 На нашей даче – лишь болота,
 Тропу к ней просто не найдут.

* * *

Почему перед смертью велел Сократу
 Мусагет (не смеха же, право, ради)
 Сочинять стихи? Этой жизни страту
 Покидая, не стану марать тетради.

Лучше просто на ласточек в небе синем,
 На цветы смотреть чабреца, аира.
 Все равно мы с места уже не сдвинем,
 Не изменим словом глухого мира.

Остаются бабочки и стрекозы,
 Остается дышащий полог сада.
 Никаких стихов, а тем паче прозы
 Перед смертью бедной душе не надо.

Мы пришли ниоткуда, уйдем туда же,
 Слепленные на мгновенье светом,
 Не заметив даже своей пропажи, –
 Ну и стоит ли горевать об этом?

* * *

Слова, слова...

Не пишется, увы, зато так сладко спится:
 Дождь, падающий дождь – такой Шалтай-Балтай.
 Забыться... потому что заново родиться
 Не сможешь все равно, как душу ни пытай.

А мнилось (жизнь пока, как яркую обнову,
Ты примерял): тоску, смутившись, утолит
Угрюмый этот мир, внезапно внявший Слову,
Не равнодушный, нет – лишь делающий вид.

И Слово, словно бы овеществляясь, жаркий
Дарило поцелуй, и верилось: для нас
Еще припасены нежданные подарки –
Дыханье свежих уст, испуг зеленых глаз.

И что-то даже там загустевало в зыби
Дней, набегающих как волны на откос...
Но, милый мой, пойми: подвижной этой глыбе
Нет дела до твоих, моих стремлений, слез.

И нет такой цены, которой б не давали,
И жертв таких – они принесены, прости.
Не сдвинуть, не пронять, не побороть печали,
И Слову из словес уже не прорасти.

VI

* * *

Бутерброд с холодной котлетой
И с вчерашнею заваркой чай...
Не жалея, не жалуйся, не сетуй,
Буднично и строго отмечай

Новые нежданные потери.
Погляди, какой разгромный счет!
Дело не в любви-надежде-вере,
Дело в том, что ржавый кран течет.

Дождь... опять. В гусиных цыпках кожа
Закономной, непроглядной тьмы.
Только тех, кто нам всего дороже,
Только тех и разрушаем мы.

Оттого на сердце тяжесть эта.
Не простить уже, не отпустить.
Тусклый прищур кухонного света,
Жизни размотавшаяся нить.

* * *

Не можешь оставить в покое
И снова идешь напролом?
О нет! Только ангел *такое*
Своим осеняет крылом.

И все, что там копится в клетке
 Души уязвленной твоей,
 Поймут только голые ветки
 Осенних ночных тополей.

Дождя по асфальту потоки,
 Сырой подворотни проем...
 Все правильно: мы одиноки
 В предвиденье горьком своем. –

Я так бы хотел заблуждаться
 И был бы раскаянью рад.
 Пусть мерзлые капли дробятся
 О крючья чугунных оград,

И город, уставший их слушать,
 Замкнется, как каменный склеп.
 О, если бы вдруг обнаружить,
 Что я непонятлив и слеп!

* * *

Я все знаю: кто ты. Поэтому телефон
 Не возьму и номера набирать не стану.
 Но об этом не ведает мой непутевый сон,
 Он-то верит по-прежнему ласковому обману.

И в такие пускается разговоры, и так он рад,
 Когда видит тебя, что мне не хватает духу
 В той стране, где меж нами «нет никаких преград»,
 Истину извлекать на свет, эту взбалмошную старуху.

И поэтому сон мой еще пребывает там,
 Где объятия нежны, где предательства не страшатся,
 Где бродить позволено нам по сказочным городам,
 Наслаждаться иллюзией, поэзией утешаться.

Одинока жизнь, как ветер ночной, в окно
 Все пытающийся вломиться, седой и дикий.
 Почему сюда оттуда запрещено
 Проносить свидетельства счастья, любви улики?

* * *

Полюбить – стать зависимым, а от кого – неизвестно,
 Потому что другого мы изобретаем любя.
 Полюбить... Вот тогда-то как раз разверзается бездна
 Под ногами, тебя уворовывают у тебя.

Полюбить – так по-детски довериться: столько обиды,
 Столько боли слепой, столько непонимания, слез.

И как чокнутого теософа следы Атлантиды,
Так волнует беспомощный *любит-не любит* вопрос.

Ну а там – в неизвестности, в темных провалах чужого,
Недоступного разума что зародится в ответ?
Ах, когда бы могли что-то значить улыбка и слово,
Ах, когда б убедить был способен кого-то наш бред!

* * *

Любовь застывает, как лава,
Причудливым скопищем скал.
Какая ирония, право,
Что в этой пустыне искал

Ты нежной взаимности влагу,
Покой и прохладу в тени!
Открой свою старую флягу,
Не думая долго, глотни.

Страшны, выразительно-дики
Породы куски, валуны –
Надежд искаженные лики
Да грубые формы вины.

Черна, желто-охриста, бура
Поверхность, и солнце, по ней
Скользя, вырезает фигуры
Из невероятных теней.

Так голо... Взгляни напоследок
С тоскою (и прочь поспеши)
На этот безжизненный слепок
Твоей затвердевшей души.

* * *

Все это было иллюзией и мечтой,
Сделавшись пошлостью, лишь заглянул за край.
Так что, взыскующий истины, не торопись, постой,
Лаковый ящик Пандоры не отпирай!

Хуже всего, что обратно уже никак:
Не утаишь пониманье, не спрячешь стыд.
Разум пытливый, наш первый заклятый враг,
Счастья минуту каждую сторожит.

Ну а все эти грезы, пропитанные тоской,
Страстью и упованием смутной твоей души,
Что ж им теперь – лишь тление под гробовой доской,

Под необъятным пологом вечной вселенской лжи?

Знаешь, я так не думаю. Просто они в ином
Канули измерении (нам туда хода нет),
Став мимолетной жалостью, утренним тихим сном,
Камешками морскими, прозрачными на просвет.

* * *

Бояться можно, пока разлуку
Предвидишь только, крушенья ждешь,
А что теперь-то уж... Разве скуку
В душе разграбленной застаешь.

Здесь жить нельзя, но куда же деться,
Раз существованье твое за край
Всех смыслов вышло биенья сердца?
Так, умирая, – не умирай!

Открыть в том, что и в безвоздушном
Пространстве дышишь, гуляешь, спишь,
И всем, что стало уже ненужным,
Распоряжаешься, дорожишь.

Наверно, это и есть свобода,
Когда на мир из небытия
Смотреть позволено. Больше года,
Уж больше года свободен я...

* * *

Вместе с жизнью пройдет и боль...
Все продумал как ни крути
Давший каждому свой пароль,
Чтоб однажды сюда войти:

Сайт знакомств, игровой портал,
Развлекающий до конца.
А снежок за окошком тал,
И разметаны деревца,

Тонут в слизи дома, в грязи,
В пятнах плесени скудный свет.
Забери меня, увези
В край неведомый, где нас нет,

Больше нет, и не нужен хлам
Грез, погрязших в слепой вине.
Даже душу свою отдам,
Чтоб она не мешала мне.

VII

* * *

Боже, смири, смири и прости,
Чем успокоиться мне назначь,
В чем облегчение обрести
И разрешение всех задач.

Пусть моя жизнь будет, словно тот
Дождик упорный, – идти, идти.
Норы подземные роет крот,
Птицы в лазури ведут пути.

Я же земной – по земле хожу:
Снизу толчки и лучи с небес.
Здесь нам не переступить межу
И не понять, как же Он воскрес,

И Откровенье Твое вместить
Не в состоянии слабый слух –
Знаю! Но боязно отпустить
Утлому телу мой блудный дух.

* * *

Доживать потихоньку, от одного к другому
Переходя, канва бесконечных дел –
Что со здоровьем хлопоты, что по дому,
Что по работе... и так перейдешь предел,

Тихо, почти незаметно, без потрясений.

Есть в этом что-то солдатское (на посту).
 Так облетают деревья порой осенней,
 Долго... еще по эту, уже по ту.

Анненскому, говорят, не хотелось сразу:
 «Это как ресторан покинуть, не заплатив».
 Я почему-то часто его вспоминаю фразу,
 Слишком банальный, зловещий ее мотив.

Не получается. С жизнью не договориться,
 А уж тем более с мрачной ее сестрой.
 Здесь, у дверей вокзала оно перестало биться.
 Снежные сумерки, зданий походный строй...

* * *

Мир, который ты знал как свой –
 От песочницы во дворе
 До простертой над головой
 Синевы в слюдяной жаре,

От полуденных крымских гор
 До карельской лесной глуши,
 Мир, что носишь ты до сих пор
 Там – внутри, в глубине души,

Мир, в котором дышать и жить
 Привыкал столько долгих лет,
 Мир, в который пришлось вложить
 Все, – он сходит теперь на нет,

Погружаясь в небытие,
 Словно в белый песок вода,
 Ибо все это – не твое,
 Им и не было никогда.

* * *

Бесконечно раскладывала пасьянс,
 Временами впадая в сон.
 Лишь однажды нам выпадает шанс
 Жить – огромен и жалок он.

Лишь однажды можно любить, мечтать,
 Понимать, давать имена.
 Как была громоздка ее кровать,
 Как мала казалась она!

А потом... когда все, что держало тут,
 Исчерпалось, – ждала конца,

Равнодушно, как в электричке ждут
Приставучего продавца.

И как будто что-то мешало ей –
Все откладывался полет.
О, не расставанье всего больней,
А надежда, что письма шлет!

Полетим туда – к ледяной звезде,
Как на свет летит мотылек,
И галактики будут гореть везде,
И невидимый путь далек.

Обжигающей пустотой дыша,
Не заметим, немея, как
Все забудет неузнанная душа,
Уносясь в непроглядный мрак.

* * *

Утро! Боже ты мой, целый день, как подарок,
Как тугой кошелек – ни одной не сделано траты.
Проникающий в окна доверчиво-легок, не жарок
Свет. «Привет! – говорю, – проходи, мы всегда тебе рады!»

Ощущенье такое, что все еще может вместиться
В те часы призовые, с которыми будем до ночи.
Птица счастья в окно залетит – очень редкая птица,
Или встретится снова Любовь и заглянет нам в очи.

Ну конечно, шучу. Но я утром всегда молодею.
Сердцу любо обманываться, день за целую жизнь принимая.
Это вечеру все уже ясно – брюзге и злодею,
Когда к ночи выводит нас финишная прямая.

* * *

Господь, вот как сейчас, вот так, пусть эти боли,
И к ним привыкну я, и их смогу терпеть,
Не хуже только бы, не тяжелей, не боле,
Чем выдержит душа или допустит смерть!

Но и моля Тебя, устало понимаю,
Что старый маховик нельзя застопорить.
Зато теперь-то уж я каждому внимаю
Мгновенью, тихих дней перебирая нить.

Зато теперь-то мне от счастья нужно мало,
И прежде чем отдать, я успеваю вдруг
Почувствовать своим все то, что запоздало

Смог робко в руки взять, чтоб выпустить из рук.

Сил юных полноту или здоровья чашу
 Пьянящую – увы, когда их больше нет,
 Умеем мы ценить. Но время старость нашу
 Научит различать, где есть еще просвет.

ИЗ ГЕТЕ

Скажи, теперь, когда предстала слишком ясно
 Жизнь, прожитая жизнь, хотел бы ты назад?
 А... вот и тот, хромой. Привстал подобострастно
 Из дальнего угла, улыбчив и пузат.

Зачем тебе моя душа-то? В наше время
 Неужто есть еще на это дело спрос?
 И разве оптом все, все человечье племя
 Не скуплено давно? – Бессмысленный вопрос.

Но раз уж разговор теперь такой меж нами,
 Скажи, за что платить предложишь? Твой товар?
 Мечтами, говоришь, торгуешь ты мечтами...
 Лукавый бес, прости, для этого я стар.

А снова молодеть, чтоб глупость замутила
 Спокойный, трезвый взгляд, – пожалуй что уволь.
 С избытком мне твоих мучительных хватило
 Даров, о страсть моя, о сладостная боль!

* * *

Есть слово *никогда*, которое неясно
 Лет так до сорока шести или семи.
 Потом осознаешь, что ждали мы напрасно.
 Не надо утешать... Вот мой билет – возьми.

Как видишь, он пустой, а выигрыш достался...
 Но, впрочем, все равно, кому достался он.
 Не то чтобы устал, не то чтобы я сдался,
 А просто нечего поставить мне на кон.

Беда тому, кто все свои желанья выдал
 Завистливой судьбе, – ему уж не помочь.
 Белеет в темноте луна – кикладский идол,
 Упорно вслушивающийся в ночь.

Вот так, прождав века, которые застыли,
 Как истуканы мраморные те,
 Что сможем рассказать о жизни? Что мы *были* –
 Когда-то были в этой пустоте?

Здесь все с тобой живым – нет! несоизмеримо:
 Пространства мерзлота, бесчисленных звезд гряды,
 Те миллионы лет, что равнодушно мимо
 Проходят в никуда, вот в это *никогда!*

* * *

День просачивается сквозь пальцы,
 Словно жидкий он, как вода.
 Мореплаватели-скитальцы,
 Мы затем и пришли сюда,

Чтобы плыть по волнам тревожным,
 Над которыми снег, туман.
 Нет, рекой назвать невозможно
 Этот времени океан.

Он достался нам от Потопа,
 Он куда-то стремится свой бег,
 Надвигая (глядите в оба!)
 Вал за валом, за веком век.

Так и ходят борта ковчега,
 Чуть – развалятся на куски.
 Из-за мерзлого пара, снега
 Не видать впереди ни зги.

Мы плывем без обетованья,
 Не по звездам – их нет во мгле.
 И на сердце одно мечтанье –
 Пусть о крохотной, но земле.

Неужели же не найдется
 Хоть скалы одинокой, хоть
 Островка? Океан несется
 В никуда. Помогай, Господь!

* * *

Если оставит способность писать,
 Просто закрою глаза...
 Много еще нам придется отдать,
 Много... Расплатимся за

Юность, не знавшую этих болей,
 Этих прерывистых снов,
 Не отмечавшую свой юбилей
 В год потрясения основ.

Жизнь была слишком спокойна твоя,
Слишком волна широка –
Так что далекие видел края,
Дальние слышал века

И заглянул же молчунье-судьбе
Прямо в глаза, что черней
Ночи. Да вот не придется тебе
Больше кокетничать с ней.

Мужество нужно тому, кто в поход
Лишь собрался налегке,
Мужество тем, кто который уж год
Повод сжимает в руке,

Ну а тому, кому жребий сулил
Быть на исходе пути, –
Мужество вдвое, чтоб гаснувших сил
Все же хватило дойти!

Ибо, коль чашу приходится пить,
Лучше уж пить до конца,
Помня, о чем невозможно просить
В лютую полночь Отца.

В СЕРДЦЕ ГЕРМАНИИ

* * *

Италия, ты сердцу солгала...

Фет

Не солгала,
Поскольку не обещала.
Только звала,
Звала за собой, прощала
Наши претензии глупые, охи-вздохи.
Мы из другой страны, из иной эпохи.

В небе ликует свет,
Как трубач с золотой трубою.
Ты не Италия, нет, –
Ты сама собою.
Елки в лесах, фахверковые клеенки
Маленьких городков, блондинки или болонки –

Перемешались: арочка,
Кирха; цеплялась взглядом
Сладкая парочка –
Шиллер и Гете рядом.
Вдоль автострад бежали поля и парки
От Вюртемберга до самой Восточной марки.

Нет, я бы жить не смог здесь на самом деле.
Как уже было сказано выше, встречали ели
И провожали нас мрачным своим приветом.
Мы побывали в Германии этим летом.

* * *

Еще мы были в доме Гете...
 Признаюсь, олимпиец наш
 Любил, как видно, навороты –
 В своей квартире Эрмитаж
 Соорудил; второй этаж:
 Хариты, гении, эроты –

Все гипсовые. Черепки
 Античной моды запоздалой.
 Полы скрипучи, окна малы,
 И низковаты потолки.

Вот тот монументальный фон
 Величья, славы европейской:
 Советник тайный, бард ганзейский,
 И веймарский Анакреон...

Мудрец, зачем весь этот хлам?
 Как пыльно в комнатах, как душно!..
 Твоя ли Муза равнодушна
 К словам, поступкам и делам?

Но, слава богу, что строка
 Про суетность и быт поэта
 Не знает. Ей довольно света,
 Слез, чтоб звучать наверняка.

* * *

В мелком городке (названия
 Я не помню все равно)
 Все, чем ты жива, Германия,
 Что ты есть, заключено.

Из фахверков вьется улица –
 Белый холст на вороном.
 И цветок с цветком милуется
 В кадке под любым окном.

Чисто так, что даже фантика
 Не посмеешь уронить.
 Рядом – готика, романтика,
 Жизни тянущейся нить.

Пахнет хлебом и колбасками
 С правой, с левой стороны.
 Небо и природа красками

Свежими подновлены.

Аккуратная история
Или то, что от нее
Здесь осталось. О, не спорю я –
Не отечество мое.

На горушке шлосс, как водится,
Ратуша на площади.
Пресвятая Богородица,
Защити нас, пощади!

ВАРТБУРГ

Этот замок не брали ни разу,
Даже не осаждали – глупцы!
Зато здесь, говорят, по приказу
Графа соревновались певцы.

Я не помню деталей турнира
И не знаю, кто выиграл спор,
Только кажется, тайная лира
Из-под спуда звучит до сих пор.

Ветерок ли в стрельчатые окна
Или дождь по осенней поре...
Словно чуткие пальцы волокна
Водят в самозабвенной игре.

Эта песенка, внятная птахам
И скале той, где старая ель,
Здесь пропета самим Эшенбахом,
Славным рыцарем Нижних земель.

Если ж голос прорежется флейты,
Неожиданно нежен и тих,
Знай, что это поет Фогельвейде
О погибших надеждах своих.

А вокруг необъятные дали –
Древ зеленое море вокруг...
Да вот жалко, что мы опоздали
И мотив обрывается вдруг.

* * *

Парки Касселя... Рисовали
Здесь палитрою крон, ветвей.
Мы как будто в огромной зале
И плафон голубой над ней.

Продолжение рококошных
Интерьеров: каскад, цветник.
Городов наших пыльных, тошный
Образ память кольнул на миг.

Нет, про злую судьбу не надо
И про барскую «с жиру» спесь.
Счастлив я, что два этих сада
Удивительных в мире есть.

Видишь ли, прозябать в печали
Все же легче душе, когда
Она знает иные дали
И прекрасные города.

НА РЕКОНСТРУКЦИЮ КАССЕЛЬСКОГО АПОЛЛОНА

Восстановили Аполлона,
Придав первоначальный вид:
Белки сверкают посребренно,
И тело золотом горит –
Ну прямо для аттракциона,
Для супермаркета отлит.

Скорее кукла, чем скульптура.
И так и этак повернем:
Прическа и мускулатура,
Как полагается, при нем,
А губы, словно лук Амура.
Мечта моя, гори огнем!

Ты где, гармония Эллады,
Улыбчивого детства сон?
На петербургские фасады
Классицистических времен
Луна свои роняет взгляды,
И вы, Жуковского баллады...
Прекрасный миф разоблачен.

Зачем так пошло-полихромна
Реальность, кто ее слоит?
А бледный римский мрамор скромно,
Как бедный родственник, стоит.
Душа слепа, любовь бескровна,
И Церетели победит!

РУССКОЕ КЛАДБИЩЕ В ВИСБАДЕНЕ

На русском кладбище могилы –
 Жалка картина и пестра:
 Царей российских отпрыск хилый
 И Кюхельбекера сестра.

Погост почти что деревенский:
 Прут мхи и травы на рожон
 И лишь художник фон Явленский
 Лежит, цветами окружен.

Привет, невозвращенцы-кости,
 Вам с хладных берегов Невы!
 На дальнем западном форпосте,
 Боюсь, подзадержались вы.

Уже трубил рожок армейский,
 И все отозваны войска,
 И так к игле Адмиралтейской
 Даль залетейская близка.

* * *

Змеи обвивают мощный постамент,
 Монстры пялят бельма.
 На горе поставлен в Гарце монумент
 Кайзера Вильгельма.

Вот где наконец-то модернизм обрел
 Облик заверченный:
 Вздыблен жуткой башни баобабный ствол,
 Сплющены колонны,

Сложные узоры врезаны в гранит –
 Выступы и лунки.
 Бесконтрольной силы взвинченность пьянит –
 Вагнер, Нибелунги.

Ниже, под ногами черного коня,
 Идол Барбароссы.
 Кто бы ни был автор, знаешь, у меня
 Есть к нему вопросы.

Сверху ширь просторов отчих, дорогих,
 Лес сосновый, стройный.
 Вот с таких-то видов, с символов таких
 Начинают войны.

САН-СУСИ

С эфебом гиацинтнокудрым
 Бродить по парковым аллеям
 Под стать насмешливым и мудрым
 Перипатетикам. Стареем...

Наверх к дворцу ведут террасы
 В оборках листьев винограда;
 Всей тяжестью небесной массы
 Придавленная зелень сада.

И вознесенный так высоко
 Смешон фасад одноэтажный.
 Что, мой король, вам одиноко
 Днем огнецветным, ночью влажной?

Не удержать нам дрожи юной –
 И не надейтесь, не жалейте.
 А чем тревожить сердца струны,
 Разумнее играть на флейте.

Оглянешься – но нет эфеба,
 Лишь статуи на балюстраде.
 И молча созерцает небо
 Король с глухой тоской во взгляде.

В БЕРЛИНСКОМ ЕГИПЕТСКОМ МУЗЕЕ

(1)
 Плетя из тысяч взглядов нити,
 Блуждая между стел и плит,
 Мы в зал вошли, где Нефертити
 В ковчеге кварцевом парит.

Тяжел для стебля шеи нежной
 Цветок венца ее страны,
 И губы в легкой, безмятежной
 Улыбке чуть напряжены.

Слегка опущенные веки
 Со взглядом грустным заодно.
 Все, что нам знать о человеке
 И этой женщине дано,

Осталось там – за гранью плоской
 Стекла, в тысячелетнем сне.
 И лишь всплывают отголоски
 Тревожно, радостно во мне.

(2)
 Она всего лишь голограмма –
 Неосязаемая плоть.

Там, где супруг ее упрямо
Богов пытался побороть,

Где медленные воды Нила
Живят кремнистые пески,
Ее страна, ее могила
И вечность, полная тоски.

Она не здесь. Всмотрись: усталый,
Но царственно-спокойный вид,
Над головой огромной каллой
Корона тяжкая парит.

И в складках возле губ и в смутном
Пятне, где не прорезан глаз,
Печаль такая о минутном,
Такой от времени отказ!

До капли кубок жизни выпит,
Погас сиявший в небе Бог,
Разрушен храм, и твой Египет
На дно, в зеленый сумрак лег.

Зачем же ты еще меж нами,
Пришлец иных миров, мираж,
Смущающий своими снами
Больной, нетвердый разум наш?

В ПЕРГАМОНЕ

(1)
Славу держит за руку смерть –
Цезарь, это ль тебе не знать?
Так и будешь во тьму смотреть,
Строгим взглядом века пронзать,

Устрашая белками глаз
И кривя тонкогубый рот?
Неужели ты видишь нас –
В залах движущийся народ?

Чем мы лучше? – добрей? умней?
Не судивший – да не судим.
Вот придет темнота, за ней
Вместе что-нибудь разглядим.

Над берлинским музеем гул –
Нескончаемый дождь стеной.
Цезарь голову отвернул:
Что ему разговор со мной!

(2)

Будучи в Пергамоне,
Загляни в Вавилон.
На лазоревом фоне –
Лев, за ним его клон.

Смело топчет ворота
И другое зверье –
Неизвестна порода,
Впрочем, нам до нее...

Посетители трутся,
Льются, словно вода.
Никому не вернуться
Никуда никогда.

Синими кирпичами
Как ты ни обложи!
Только бродят ночами
По стене миражи.

(3)

Ты меж хеттских стояла львов –
Прямо над головой клыки...
Знаешь, я ко всему готов:
Что не сбудется – пустяки.

Хорошо мне с тобою лишь
И легко идти под уклон,
Мы видали Берлин, Париж,
Мы почти вошли в Вавилон.

Жизнь пройдет стороной, как дождь.
Вон, стоящий у той стены
Знает мраморный римский вождь:
Все однажды уснуть должны.

А уснув, оказаться там,
Где сейчас он, где эти львы.
Только тронуть я им не дам
Головы твоей, головы.

* * *

Владимиру Шубину

Фрауэнкирхе в Мюнхене, как мечеть –
Щеголяют в чалмах купола.
Здесь пивного пугча слышна картечь,
Правда так, что из-за стола

С той же кружкой пива подняться лень.
 Жизнь сквозь мрак и бред проросла,
 И сияет снова июльский день,
 И гуляющим нет числа.

Старый друг повел нас чрез улиц ряд
 Вплоть до набережной реки.
 В небе празднично облака парят,
 Зажигаются огоньки,

Вечереет, сумерки из углов
 Выползают, из крон деревьев.
 Как им тут, ступившим под новый кров,
 Престрадав и поднаторев?

Я не смог бы, но хорошо дышать,
 Ветерок приальпийский тих.
 И кого неведомо утешать:
 Им ли нас – увы, нам ли их?

Но зеленые воды струит Изар,
 Серо-сизые мчит Нева.
 Жизнь в любой упаковке заветный дар,
 И судьба, как всегда, права.

* * *

Алексею Макушинскому

Замок диснеевский до Диснейленда –
 Людвиг II и его Нойшванштайн...
 Ах, всенародная эта легенда
 Сказок безумья, нордических тайн!
 Вьется шоссе бесконечная лента,
 Альпы готовят brutальный дизайн.

Боже, как тщетны и жалки попытки
 Вырваться, жизни предел перейти:
 Те, самоварного золота слитки
 И разноцветной парчи конфетти,
 Мутной души королевские пытки...
 Я предпочел бы скорее уйти.

Нет, понимаешь ли, альтернативы
 Жизни, коснеющей в крошечке дней.
 Нашей фантазии дивные дивы
 Только нелепей еще и страшней.
 Вот... А вокруг настоящие ивы,
 Ели, природа и небо над ней.

В ГЛИПТОТЕКЕ МЮНХЕНА

Воин с фронтона храма в Эгине...
 Купишь билет – и смотри, броди.
 Жизнь сохраняется в камне, в глине,
 В бронзе, но только не во плоти.

Вот и стоят они дни и ночи:
 Холод, дыхание сквозняка.
 Тысячелетья для вас короче
 Жизни мерцающей мотылька.

Страшных увечий храня удары,
 Мраморной наготой слепя,
 Слишком прекрасны и слишком стары,
 Чтобы еще соблазнять тебя,

Чтобы каким-то еще волнением
 Полниться. Узникам сей тюрьмы,
 Этим разрозненным слабым звеньям
 Прошлого не интересны мы.

* * *

Солнце, всходящее всею громадой
 Пламени алого – больно глазам.
 Утро, хотя бы погодой порадуй,
 Впрочем, зачем, я не знаю и сам.

Мы все равно через час улетаем.
 Дымка над Мюнхеном, лайнеров гул.
 С Питером, Мельбурном, Дели, Шанхаем
 Кто-то воздушную связь протянул.

Тело себя как-то чувствует странно,
 Разуму вслед посещая места,
 Нас приманившие с телеэкрана,
 С книжной страницы, открытки, холста.

Вот потому-то игрушечной, ломкой
 Жизнь эта дальняя кажется мне:
 Трогать нельзя, разговаривать громко,
 Происходящему верить вполне.

Я не вернусь. Только в памяти талый
 След, диковатых названий кроссворд,
 Горы, музеи, соборы, порталы...
 Хватит. Пора подниматься на борт.

* * *

В конце концов, сухой остаток
Моих по крайней мере дней –
Набор разрозненных тетрадок
И в них паноптикум теней.

Меж этой и минутой новой
Зазора нет. Уже сейчас,
Как заполняют новоселы
Мир, им доставшийся от нас,

Представить можно. Две недели
Назад я, как теперь, сидел
В своей квартире на постели
И даже ехать не хотел.

Петля замкнулась. В той же точке
Жизнь. Будто стерли разом все
Перегородки, оболочки,
Границы, города, лесочки
На придорожной полосе.

А где остался мир? Быть может,
Лишь в углой памяти моей?
Лишь в строчках, что еще тревожат,
И сохраняют, и преумножат
Свидетельства прошедших дней...

ЕГИПЕТ

* * *

Цвета насыщены – как небо, синевой
Напоминающее вставки лазурита
В посмертной маске юного царя.
И море в берег тычется пустынный,
Но не умеет влагой напоить
Своей всю эту сушь песка и глины,
Известняка, базальта, красных скал
Играющего блесками гранита –
Мир неподвижной, мертвой красоты.
Одна река, пульсирующей жилой
Питающая ссохшееся тело
Давным-давно угаснувшей страны...
Но чудо в том, что это тело живо.
Точнее, как бы живо, словно те,
Пропитанные смолами столетий
Останки фараонов, что лежат
В своих – теперь стеклянных – саркофагах.
Ведь мумия не может есть и пить,
Но длит и длит слепое ожиданье.
И знаете, в отличие от тех,
Кто, приходя в музей, глядят Рамсесу
В обугленное временем лицо,
Мне кажется, он своего дождется.

АБУ-СИМБЕЛ

(1)

Думал ли я в пятом классе, учебник открыв

Страшной и тайной «Истории древнего мира»,
 Въяве увидеть тот самый скалистый обрыв
 С храмом, чей вход отмечают четыре кумира?

Небо – огромная линза, собравшая солнечный свет,
 Жар, облепляя, томит неотступно, бредово,
 И ни пространства земного, ни времени нет.
 Только представь: ты в гостях у Рамсеса II.

Что же, три тысячи лет наблюдать, как вода
 Снова и снова стремится излучиной Нила?
 Мы ли туда или к нам он заброшен – сюда?
 Чья совместила миры параллельные сила?

В сущности, наше *сейчас* только узенький срез
 Вечности непредставимого, древнего тела.
 Все просто есть... где-то рядом. И смотрит спокойно Рамсес,
 Как моя мысль во владенья его залетела.

(2)

Дары несет священной паре
 Богинь, ясна как день, стройна,
 Жена Рамсеса Нефертари,
 А на другой стене – война:

Царь мечет стрелы с колесницы,
 Ведут ливийцев и кушан,
 И диск с крылами хищной птицы
 На небе покоренных стран.

Изящна власть, нежна суровость –
 Владык улыбчивые сны.
 Здесь с опытностью подростковость
 Так странно переплетены.

И в жестком схематизме плана
 Какой-то трепет бытия,
 И в мертвом взгляде истукана
 Тоску угадываю я.

* * *

Все песнопения пропеты,
 Обряды все соблюдены.
 Аменхотеп-Осирис, где ты,
 Владыка призрачной страны?

В гробу из золота литого
 Перепеленутая льном
 Плоть обновленная готова

Проснуться в царствии ином.

И в этой расписной гробнице
Теперь, как в бункере, душа,
Мечтающая с телом слиться,
Над саркофагами кружа.

Здесь начинается дорога
Ночного Солнца сквозь Дуат,
К престолу праведного Бога,
Хозяина загробных врат,

Там и воскреснуть жизнью новой,
Там обрести свой вечный кров...
И вот неяркий свет лиловый,
Ряды склоненные голов,

Прохлада кондиционера,
Грань распростертого стекла...
Куда, бессмертия химера,
Ты венценосца завлекла?

* * *

Здесь все контрастно, как цвета пустыни –
Багровый, черный, желто-слюдяной –
Под колпаком небесно-вечной сини,
Простершейся над выжженной страной.

Жизнь червяком ползет вдоль русла Нила:
Свежи побеги трав, земля жирна,
Знать, солнце ядовито укусило –
И вот теперь она воспалена.

Лишь кущи пальм – ни клена, ни березки,
Коровы тощи, словно смерть сама,
Все до одной распаханы полоски
Полей, но не достроены дома.

А дальше, чуть поодаль от долины,
Вокруг нее глухие стены скал,
Царей гробницы, храмы-исполины
И Бога мертвых ласковый оскал.

* * *

От Александрии твоей остался лишь берег моря,
Да контуры гавани, взлохмаченной парусами,
Да некий трепет в сердце, что, мифу вторя,
Другими смотрит – и видит тебя – глазами.

Как будто снова кварталы склевали птицы,
 Бетонный короб на месте Библиотеки,
 И шелестят не свитки теперь – страницы,
 Но и они исчезнут в грядущем веке.

Быстрее меняется жизнь вокруг, чем люди.
 Потоп грозит нам или оледененье?
 Прах к праху – сказано было: и мы на груди
 Камней Фароса, зажженного на мгновенье.

Тень Феокрита, а может быть, Каллимаха
 Еще здесь бродит, сливаясь в ночи с туманом.
 От брызг соленых промокла моя рубаха,
 И уезжать обратно в Каир пора нам.

* * *

Накрыты тенью пирамиды,
 Как легкой сеткою сачка,
 Мы здесь с тобой – эфемериды,
 Два чужестранца-дурачка,

Которых обмануть готовы
 И гид, и сторож, и торгаш,
 И даже тощие коровы,
 Что окружили газик наш,

И сфинкс, лежащий с постной миной
 Перед гробницею царя,
 И это солнце над долиной,
 Вовсю, неистово горя.

Поди не Ялта и не Сочи!
 Не думаю, что хватит нас
 Для всех чудес арабской ночи,
 Для всех миндалевидных глаз.

Но пристрастившийся к обману
 Народ не зол, не вороват.
 И я тревожиться не стану
 За сумки, фотоаппарат.

Пойдем гулять – и выйдем к Нилу,
 Каир – большой гудящий шмель,
 А напоследок, взяв водилу,
 Вернемся вечером в отель.

* * *

Коралловых рыбок узоры
 В почти бирюзовой воде.
 Карибы, Канары, Азоры –
 Такого не видел нигде.

И месяца лодка неспешно
 Плывет по небесным волнам.
 Как здесь бестревожно-утешно,
 Дремотно и радостно нам.

Вообще-то, Канары, Карибы
 И прочие все миражи
 Я в жизни не видел. А ты бы
 В стихах удержался от лжи?

Той лжи, что, с реальностью споря,
 Ведет смысловую канву.
 А все-таки в Красное море
 Нырнуть довелось наяву.

ЭЛЛАДА

* * *

Крым узнавая, каким его в детстве
 Видел – отроги крутых берегов, –
 Думал о всеевропейском наследстве
 Здесь домовавших, ушедших богов.

Видишь ли, чудо, что все это было.
 Маки – сквозь трещины мраморных плит.
 Но и доныне зола не остыла
 Ваших костров погребальных, Пелид.

Мужество только, что делать с любовью,
 Знает. Давно все ушли корабли.
 Что же тоски этой, впитанной кровью,
 Глупые, мы позабыть не смогли?

И на погасшее солнце Эллады
 Глядя, не видим привычных светил,
 И полустертому имени рады,
 Словно нас умерший брат посетил.

* * *

Как будто все живые – живы,
 А это – просто время сна.
 Из рощ, где стелются оливы,
 Бежит нарвать цветов Весна.

Опять то желтых, то багряных
 Земля раскинула ковры.
 И воздухом апрельским пьяных
 Птиц музыкальные пиры!

Жива природа, целы блоки
 Твои, Микенская стена.
 И чей-то голос одинокий
 Перечисляет имена

Героев, что когда-то плыли
 За тем, чего на свете нет,
 И умирали, и любили,
 И звезды им смотрели вслед.

Прощай, нам не сулили встречу
 Те – в непроглядной вышине.
 И тень, которую замечу,
 Пройдет, не зная обо мне.

Но чувствую, касаясь стертых
 Плит, пряным воздухом дыша:
 На крыльях ветра распростертых
 Летит родная мне душа.

* * *

В Дельфах, которые небом накрыты,
 Словно пронизанным светом стеклом,
 Только развалины, мертвые плиты,
 Только – обломок, обломок, пролом.

Вот она – дикая прелесть безлюдья,
 Вот куда Богу вернуться пора,
 Вот где остаться бы надо, не будь я
 Тем же сегодня, который вчера...

Да... А над всем в тишине кипарисы,
 Темные братья упавших колонн,
 Тени от скал нависающих сизы,
 День погружен в нескончаемый сон.

Если молиться, то только такому
 Богу: над мрамором рухнувших плит
 Вечно тоскует с тобой по другому
 И ничего, ничего не сулит.

* * *

Затем что их богам нет дела
 До наших страхов и соплей,
 Что глыбою окаменела
 Судьба, – не надо, не жалей

Оставивших надгробья эти
 Прекрасных юношей и дев.
 Они ушли во мглу столетий,
 Свои черты запечатлев.

А боги жребий вынимают
 В недостижимой высоте,
 И жалких слез не понимают,
 И радости у них не те.

И если хочешь быть причастным
 К тем, кто ступил на этот путь,
 Стань беспощадным, стань прекрасным
 И думать о себе забудь!

* * *

Ай-ай-ай-ай-ай-ай
Еврипид. «Медея»

Здесь безумная детоубийца выла,
 Ипполит от женского взора ник,
 Здесь история словно скала застыла
 И по мраморным плитам блуждает блик.

Мхом трагические поросли ступени,
 Чуть поодаль шум городского дня.
 Я взываю к вам, милые сердцу тени,
 Не надеясь, что слышите вы меня.

Мир оглох. И боги на игры наши
 Насмотрелись. Театр Диониса пуст.
 Только мак, пробиваясь из щели, краше,
 Тише шепот строки твердящих уст.

Лишь с самим собою, самим собою
 В тишине звенящей, наедине
 Я еще встречаюсь подчас с судьбою,
 Только кто же, кто же поверит мне?!

* * *

В любом музее Антиноя
 Найдешь знакомые черты.
 Под пологом слепящим зноя

В зеленом Ниле канул ты.

И унесен потоком водным
Из временного, наконец
Стал чистым, каменным, свободным,
Каким запечатлел резец.

Не надо, цезарь, слишком больно
В пустые волны слезы лить.
От нас ушедших добровольно
Не задержать, не разлюбить.

Зато теперь, ища ответа
На этом мраморном челе,
Ты с ним пребудешь вечно где-то,
Там, где-то... но не на Земле.

* * *

Зачем, Пигмалион, ты просишь изваянье,
И так прекрасное, очнуться ото сна?
Не кожи белизна – а мрамора сиянье,
Не молодости миг – а вечная весна.

Ты хочешь, чтоб твое создание дышало
И, разум обретя, с признательностью хоть
Смотрело на тебя. Дерзай! Но помни – жало
Нацелено уже в стареющую плоть.

И знай, когда, вложив всю душу, неумело
Ты оживишь ее, то лучше отпусти:
Во тьме само собой блуждающее тело...
И что же делать с ним? – Неужели пасти?!

* * *

Камень скорби – агиластос петра.
Здесь от тщетных поисков своих
Дочери изнемогла Деметра.
Сядем – места хватит для двоих.

Мирно спят руины Элевсины,
Колоски перед провалом в ад,
Серых скал натруженные спины
Мирно спят.

Что ты ищешь в этом странном мире?
Посмотри: печальной Кору нет.
Только море зыблется все шире,
Только там – в полуденном эфире

Ярче свет.

Мы вообще-то тоже только тени,
Мы почти уснули наяву.
Мраморные белые ступени
Блещут сквозь проросшую траву.

Тихо как! Смотри, за Саламином
Моря, моря голубая даль...
Разве кто-то затворил пути нам?
Разве мне тебя не жаль?

И уже, забрав нас, не отпустит
Та разлука-дрема – через край?
Агиластос петра – камень грусти...
Ну пора, пора – вставай!

* * *

Бронзовое совершенно тело,
Мощной длани взмах неудержим.
Нет ему до нас, по счастью, дела –
Потому что мы не убежим.
Чудо доведенной до предела
Страсти и свободы быть чужим.

Се есть Бог – не человек, с которым
Мог бы о заветном, о своем
Ты судачить. Под смертельным взором
Гуманизма мы не узнаем.
Ах, лжецы с их ренессансным вздором,
С человеколюбием – в наем!

Неприятно в этом мире грозном:
Труден путь, непостижим закон.
Лишь дымок на воздухе морозном
Возле губ. И как велел нам Он:
Все оставь, иди за бликом звездным
В мрак, объявший с четырех сторон.

* * *

Вычерпанный чашей Эпидавра
Голос мой теряется вдали...
Ветки олеандра, листья лавра.
Наконец-то! Вижу: мы пришли.

Ста рядов скалистые уступы,
Где-то бродит эхо по верхам.
Горы, сосны – все в составе труппы;

Разве боги не внимают нам?

Разве хора песня отзвучала,
Разве струны лиры порвались,
Разве снова девушкой стала
Филомела и не рвется в высь?

Разве у искусства и природы
Больше нет и поводов для встреч?
Чем таким вы заняты, народы,
Что души не можете сберечь?

Мраморным теперь аттракционом
Служит престарелой Музы храм,
Наполняясь к ночи ветра стоном,
Голосами отзвучавших драм.

* * *

Уходили из Керамикоса
(Самолет наш через три часа),
Доносился вслед из-под откоса
Шелест пиний... или – голоса?

Голоса оставшихся такими,
Как на белых плитах видит глаз,
Спасены богами всеблагими,
Их богами, что ушли от нас.

Кажется, в воротах Дипилона
Все еще стоит гоплит с копьем.
Кануло ли в лету время оно,
Если мы его осознаем?

И реальней всех бетонных клетей,
Толп людских в общественных местах
Профили сияющие эти,
Архилоха строчка на устах.

Уходили и прощались нежно,
Нежно, неизбежно – навсегда.
Вот бы так легко, почти небрежно,
И отсюда нам уйти, когда...

* * *

Вечны лишь мрамора плиты да красные маки,
Мы же с тобой – мимолетные дети невзгоды.
Где-то далеко-далеко блуждая во мраке,
Встречи я ждал, мне обещанной, все эти годы.

Но, когда к месту добрался, условленному изначально,
Только руины увидел, и ясно мне стало:
Мы разминулись на тысячелетья. Печально
Ветви олив набегающим ветром качало.

Только следы и дано нам застать в этом мире:
Надпись на стеле, немую фигуру в музее,
Где Аполлон все играет на каменной лире
И Ариадна грустит об уплывшем Тезее.

Наши тела – в пустоте, имена – позабыты,
Чтобы совпасть в этой бездне, быть каменным надо.
Только кровавые маки да белые плиты
И так щемяще звучащее слово – Эллада.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I	2
В МУЗЕЕ	2
Это просто слова, как они звучат...	2
ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ	2
Зачем уже сейчас, сейчас уже...	3
Не то мучительно, что место уступить...	4
Кузнечики в ночи стрекочут за окном...	4
Среди осколков Парфенона...	5
Вторгшись в безбрежие вод, наши шли корабли к Илиону...	5
То, что погибли мы, сказано так давно...	5
Реальность значимых грядущих...	6
С какой закономерностью железной...	6
Умирая, как будто идешь на закат...	7
II	8
Я не то что не верю в Бога...	8
БОГ	8
День опять закончился. Мой Боже...	9
МОЛИТВА	10
СТАТУИ СТРАСБУРГСКОГО СОБОРА	10
Смерть ходит по пятам, она, считай что рядом...	11
То, что знают мертвые, – не для нас...	11
Мы в простреливаемой зоне...	12
III	13
Топинамбура куст на краю...	13
Ну вот, пошли дожди. Все снова затянуло...	13
Ветер что-то мягко на балконе...	14
Это лучшие дни в году...	14
Какая чернота! На небе тучи, тучи...	14
На долгих восемь месяцев заснет...	15
Хоть утлого тепла немного напоследок!..	15
Я скоро снова вернусь назад...	16

Почему-то вспомнилось: Цесис, лето...	16
Это было четырнадцать лет назад...	16
IV	18
Ночной Альгамбры тени, тени...	18
В ПРАДО	18
(1) Он потерял Португалию, разворовать казну...	18
(2) Лучший портрет Дон Кихота – вот...	19
«СВЯТОЙ СЕБАСТЬЯН» АНТОНЕЛЛО ДА МЕССИНЫ	19
МУЗЕЙ НАБОКОВА В РОЖДЕСТВЕНО	20
Когда нет Бога, то к чему все эти...	20
Олейниковский таракан монументален...	21
Одни – обыкновенные нарциссы...	21
ДРЕВО ЖЕЛАНИЙ	22
V	24
До той поры как звук свирели...	24
На похоронах...	24
Листва у дома лип густая...	25
Почему перед смертью велел Сократу...	26
Не пишется, увы, зато так сладко спится...	26
VI	27
Бутерброд с холодной котлетой...	27
Не можешь оставить в покое...	27
Я все знаю: кто ты. Поэтому телефон...	28
Полюбить – стать зависимым, а от кого – неизвестно...	28
Любовь застывает, как лава...	28
Все это было иллюзией и мечтой...	29
Бояться можно, пока разлуку...	29
Вместе с жизнью пройдет и боль...	30
VII	31
Боже, смири, смири и прости...	31
Доживать потихоньку, от одного к другому...	31
Мир, который ты знал как свой...	31
Бесконечно раскладывала пасьянс...	32
Утро! Боже ты мой, целый день, как подарок...	33
Господь, вот как сейчас, вот так, пусть эти боли...	33
ИЗ ГЕТЕ	33
Есть слово <i>никогда</i> , которое неясно...	34
День просачивается сквозь пальцы...	34
Если оставит способность писать...	35
В СЕРДЦЕ ГЕРМАНИИ	37
Не солгала...	37
Еще мы были в доме Гете...	37
В мелком городке...	38
ВАРТБУРГ	38
Парки Касселя... Рисовали...	39
НА РЕКОНСТРУКЦИЮ КАССЕЛЬСКОГО АПОЛЛОНА	39
РУССКОЕ КЛАДБИЩЕ В ВИСБАДЕНЕ	40
Змеи обвивают мощный постамент...	41
САН-СУСИ	41
В БЕРЛИНСКОМ ЕГИПЕТСКОМ МУЗЕЕ	42
(1) Плетя из тысяч взглядов нити...	42

(2) Она всего лишь голограмма	42
В ПЕРГАМОНЕ	43
(1) Славу держит за руку смерть...	43
(2) Будучи в Пергамоне...	43
(3) Ты меж хеттских стояла львов...	44
Фрауэнкирхе в Мюнхене, как мечеть...	44
Замок диснеевский до Диснейленда...	45
В ГЛИПТОТЕКЕ МЮНХЕНА	45
Солнце, всходящее всею громадой...	46
В конце концов, сухой остаток...	46
ЕГИПЕТ	48
Цвета насыщенные – как небо, синевой...	48
АБУ-СИМБЕЛ	48
(1) Думал ли я в пятом классе, учебник открыв...	48
(2) Дары несет священной паре...	49
Все песнопения пропеты...	49
Здесь все контрастно, как цвета пустыни...	50
От Александрии твоей остался лишь берег моря...	50
Накрыты тенью пирамиды...	51
Коралловых рыбок узоры...	51
ЭЛЛАДА	52
Крым узнавая, каким его в детстве...	52
Как будто все живые – живы...	52
В Дельфах, которые небом накрыты...	53
Затем что их богам нет дела...	53
Здесь безумная детоубийца выла...	54
В любом музее Антиноя...	54
Зачем, Пигмалион, ты просишь изваянье...	55
Камень скорби – агиластос петра...	55
Бронзовое совершенно тело...	56
Вычерпанный чашей Эпидавра...	56
Уходили из Керамикоса...	57
Вечны лишь мрамора плиты да красные маки...	57